
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Л. Е. ГРИНИН, А. Л. ГРИНИН

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ РОСТЕ И БУДУЩЕМ*

Статья первая. Глобализм vs рост ВВП и «закат Запада»

В работе обсуждаются одни из принципиальных вопросов, касающихся нашего ближайшего и отдаленного будущего: не ждет ли современную мировую экономику ситуация полного истощения ресурсов, как обычных, так и климатических? Не стоим ли мы на пороге невозможности дальнейшего развития и необходимости отказаться от стремления к экономическому росту? Нет ли настоящей необходимости снизить потребление, изменить всю систему производства, связанную с рынком, ростом потребления, стремлением к прибыли, создав вместо нее систему регулирования, социального перераспределения и самоограничения в глобальном масштабе? Иными словами, не пора ли заменить современный капитализм (хотя он уже и без того очень сильно отличается от капитализма относительно свободного рынка и конкуренции) на нечто вроде государственного капитализма или социализма нового типа, поскольку современный капитализм (= современный индустриализм) исчерпал возможности для роста и расширения, угрожает климату и будущему? В последнее время на Западе (и не только) обоснований сворачивания экономического роста с помощью таких выводов и соответствующей идеологии становится все больше, причем за этими призывами стоят могущественнейшие силы.

Авторы показывают, что хотя мы стоим на пороге очень серьезных перемен, в результате которых, скорее всего, регулирование экономики

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 20-61-46004).

и технологического развития усилятся, возможности и резервы для нормального (и ускоренного) экономического роста остаются, по меньшей мере еще на ближайшие полвека или даже до конца столетия. Существует целый ряд факторов, включая развивающийся третий мир, ожидаемую новую технологическую волну и другие, которые обеспечат условия для экономического роста и поддержат стремление к прибыли как необходимый и важный стимул для развития общества (в том числе инновационного). При этом, конечно, и направления, и источники, и центры экономического роста изменятся. Задача общества – найти способы канализации развития в направлении выгодного для него в целом курса, оптимальное сочетание между частной инициативой и социальными программами, между ростом потребления как важным источником экономического развития и оптимизацией потребления. В статье показано, что усиленно навязываемые в последние годы идеи отказа от стремления к росту, потреблению, прибыли и т. п. под предлогом необходимости спасения климата есть кампания, инициированная крупнейшими глобалистами, которые пытаются перераспределить ресурсы из традиционных секторов развития в пользу зеленой экономики. Настоящая работа представлена в двух статьях.

В первой статье затронуты вопросы о том, кто такие глобалисты и каковы их цели. Показано, что глобалисты пытаются перестроить как глобальную идеологию, так и систему социально-экономических отношений. Объясняется, когда, как и почему идея о необходимости и крайней желательности активного экономического роста стала сменяться представлением, что такой рост не нужен и даже вреден. Будет рассмотрено, возможно ли отказаться от экономического роста и стремления к прибыли, не приведет ли отказ от роста как цели к стагнации общества. Утверждается, что за таким поворотом стоят две очень серьезные и взаимосвязанные причины: 1) ослабление экономической динамики Европы и США наряду с тем, что развивающиеся экономики начинают их догонять (фактически «закат Запада»), и нежелание признавать этот факт; 2) стремление глобальных сил, во многом сегодня определяющих внутреннюю и внешнюю политику США и ЕС, перестроить экономику в своих интересах под лозунгом спасения климата. Речь идет о радикальной перестройке всей экономической парадигмы, которая существовала на протяжении двух столетий и, несмотря на серьезные изъяны и пороки, обеспечивала мощный рост производства, потребления, общей культуры, благосостояния и сокращение бедности во всем мире. Показано, что такая политика неизбежно ведет западные страны к потере их влияния и роли в мире, а также – что более важно – к дезорганизации мировой экономики. Делается вывод, что попытки снизить роль ВВП как

универсального показателя экономического роста (или даже отменить его вовсе) связаны не столько с недостатками методик подсчета ВВП, сколько с указанным отставанием развитых стран от развивающихся по темпам экономического роста и попытками идеологически перестроить современную систему в пользу глобалистов.

Ключевые слова: глобализм, глобалисты, неосоциализм, капитализм, прибыль, консюмеризм, ВВП, экономический рост, углеродная нейтральность, зеленая повестка, ресурсы, истощение ресурсов.

The present study discusses some of the most pivotal issues concerning our near and remote future, namely, whether modern global economy is destined to complete resource depletion of both production and climatic resources. Are we at the threshold of no further development? And is there a necessity to reject the aspiration for economic growth? Is there any urgent need to reduce consumption and change the whole production system connected with market, pursuit of gain, and instead create a system of regulation, social redistribution and self-limitation on a global scale? In other words, whether the time has come to change modern capitalism (which however, differs already too much from the capitalism based on competition and relatively free market) for something like state capitalism or socialism of a new type, since modern capitalism (= current industrialism) has exhausted its opportunities for growth and expansion and poses threats to the climate and future development. Recently, such conclusions and related ideologies have been increasingly used to justify the diminishing economic growth, at that such appeals are supported by really powerful forces.

The authors show, that although today we are on the eve of considerable transformations which will probably lead to increasing economic and technologic regulation, the opportunities and reserves for normal (and accelerated) economic growth will preserve for at least the nearest half century or even to the end of the century. There are a number of factors, including the developing Third world, a new technological wave, and some others, which will provide favorable environment conditions for economic growth and support pursuit of gain as a necessary and important impetus for societal development (including innovations). Still the directions, sources and centers of economic growth will certainly change. The society's objective is to find the ways to canalize the development towards a generally advantageous direction and to find an optimal combination of private initiative with social program, and of the increasing consumption as a source of economic development with optimized consumption. The present study consists of two articles.

The first article raises questions about both global ideology and the system of social and economic relations. It is explained when, how and why the idea about the necessity and extreme advisability of an active economic growth has changed for the idea that this growth is unnecessary and even harmful. We will consider whether it is possible to reject the economic growth and aspiration for growth and whether it is possible that the rejection of growth as an objective may lead to stagnation of society. We argue that such a turn is rooted in two interrelated causes: 1) the wakening dynamics of Europe and the USA along with the fact that developing economies start to catch them up (which, actually, is a decline of the West) and unwillingness to admit this fact; and 2) the aspiration of the forces, which to a great extent define the domestic and foreign policy of the USA and EU, seeking to reconstruct economy for their benefit. It is shown that such policy will inevitable deprive the Western countries of their influence and role in the world, and what is more important, will lead to disarrangement in the global economy.

Keywords: *capitalism, profit, consumerism, GDP, economic growth, carbon neutrality, resources, resource deterioration.*

Введение. Расти нельзя стагнировать?

Ощущение, что мир находится в состоянии (или подходит к точке) какого-то кардинального изменения, осознание, что мы живем в период перехода к чему-то новому, нарастает. Разумеется, представления о будущем обществе сильно различаются. Однако в качестве общего тренда можно отметить, что усиливается влияние различных левых (в чем-то даже радикальных) идей и подходов. При этом они связаны с критикой не просто капитализма, а индустриализма и даже постиндустриализма в целом. Иными словами, помимо требований устранения огромного разрыва в доходах и большего равенства, а также осуждения чрезмерного стремления к прибыли, в них уже ребром ставится вопрос о том, что и само стремление к экономическому росту для общества является неверным и опасным ориентиром. Такие настроения усиливаются зеленым трендом, направленным на «спасение климата». Последний подводит идеологическую базу под призывы сократить потребление, радикально изменить энергетику и транспорт (и, по возможности, другие отрасли промышленности). Зеленое направление вкупе с левым и иными [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б]

стремительно растет, оказывая колоссальное влияние на всю политику европейских стран, США, а теперь уже и всего мира. Поэтому сегодня вопрос стоит в плоскости не научных дискуссий, а реальной экономической политики. Это значит, что речь идет о радикальной перестройке всей экономической парадигмы, которая существовала на протяжении двух столетий и, несмотря на серьезные изъяны и пороки, обеспечивала мощный рост производства, потребления, общей культуры, благосостояния и сокращение бедности во всем мире.

Да, стремление к экономическому росту, подпитываемое стремлением к росту капитала и прибыли, подстегивалось культом потребления, который навязывался всеми возможными способами. Но это же стремление было источником постоянного поиска для технологических и научных инноваций, без чего современное общество было бы невыносимым. Таким образом, стремление к экономическому росту было мотором общества, отвечавшим за его движение вперед. Однако сегодня речь идет не о замене «неправильного» капиталистического экономического роста на «правильный», лишенный очевидных недостатков первого, как это декларировалось в процессе построения социализма в социалистических странах¹. И не об оптимизации экономического роста или разумной коррекции показателя *валового внутреннего продукта* (ВВП). Сегодня уже объявляется, что вполне возможно жить при очень скромном экономическом росте, а то и вовсе без него, и фактически признается, что речь идет не о росте потребления, а о его сокращении. Все это подается под красивыми лозунгами заботы о климате и социальной справедливости. Однако вопрос о том, что случится в результате реализации таких подходов, не ставится, не говоря уже о научном анализе последствий такого курса. Между тем хаос в экономике большинства стран в 2020–2021 гг., связанный с локдауном, в совокупности с планами по декарбонизации экономики уже вверг мировую экономику в кризис увеличивающегося дефицита комплектующих, товаров, сырья и энергии, нарастающей инфляции, спираль которой, похоже, еще только начинается

¹ О том, что эта, как и многие другие цели социализма, была утопией, мы не говорим из-за очевидности данного положения.

раскручиваться. Планы декарбонизации по темпам и по волюнтаризму вполне можно сравнивать со «сталинскими», «хрущевскими» и «маоцзэдуновскими». Неудивительно, если и результаты их осуществления будут сравнимы с результатами «построения коммунизма» или китайского «большого скачка».

Как же получилось, что стремление к экономическому росту, создание наилучших условий для него, которые были (и, по счастью, еще в основном остаются) важнейшей задачей государств, теперь объявляются ненужными, вредными и опасными?

Настоящая работа посвящена анализу того, почему и в чьих интересах возникла идея отказа от стремления к экономическому росту, и возможно ли отказаться от экономического роста, не жертвуя не просто очень многим, но первоосновами жизни в целом. Мы рассмотрим, к каким последствиям это может привести и каким образом можно оптимизировать в дальнейшем экономический рост. Мы также затронем вопросы, действительно ли можно отказаться от стремления к прибыли или резко уменьшить его. Поэтому мы и дали введению заголовок «Расти нельзя стагнировать». Как и в общеизвестных примерах, здесь смысл кардинально меняется от того, в каком месте поставить запятую. Глобалисты и зеленые стремятся поставить ее после слова «нельзя».

В этой статье мы показываем, что за внешне привлекательными призывами к сохранению климата, социальной справедливости, сбережению ресурсов, сокращению потребления и новому перераспределению стоят интересы очень могущественных сил, центр которых определяется теми, кого мы условно назвали глобалистами. Кто же это такие?

Глобалисты представляют собой довольно пестрый конгломерат огромных корпораций, крупных финансистов, бизнесменов, политиков, чиновников и функционеров как отдельных стран, так и международных организаций, активистов различных партий, движений и форумов, некоммерческих и негосударственных организаций, публичных людей и многих других представителей высшей элиты. Поскольку это международная и наднациональная сила, то сложилась и укрепляется глобальная сеть, стремящаяся к подчинению ей национальных интересов различных стран, включая даже интересы США. Эти группы для продвижения своих целей, помимо

финансовой и медийной мощи, активно используют левые настроения, авторитет различных политических партий и – что особенно важно понимать – различные движения меньшинств, от зеленого до ЛГБТ.

О персоналиях среди глобалистов, различных группах в их рядах, их взаимодействии, а также о связи глобалистов и различных меньшинств (ЛГБТ, левых, расовых, женского движения и иных) мы подробно писали в других работах [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б]. В этой статье нас особенно интересуют левые силы с их неосоциалистической идеологией и зеленые, которые стремятся разрушить традиционную экономику и перераспределить ресурсы в интересах глобальных сил. Глобалисты в последнее время стали очень активно реализовывать различные планы (которые обсуждались, по крайней мере, в течение пары предыдущих десятилетий) по принуждению всех к «спасению климата». Дело в том, что зеленое направление дает им уникальный шанс надолго и прочно захватить огромные ресурсы, финансовые потоки и необъятную власть для их распределения. Ресурсы они стремятся черпать из огромных бюджетов США и других стран Запада, а также пытаются получить доступ к ресурсам десятков других стран, заодно обложив их углеродным налогом.

Глобалисты не являются неким мировым правительством, но усиленно внедряют идею о необходимости наднационального управления. Эта сила пытается формировать мировую повестку дня, в той или иной степени подчинить ей национальные государства, удерживать долгосрочный тренд на перераспределение ресурсов вплоть до мирового масштаба. Для того чтобы удержать эти тренды, они пытаются перестроить идеологию в разных странах и создать мировую идеологию (насадив ряд новых мифологем), а также трансформировать национальные цели государств (и соответственно их суверенитет), прежде всего их экономическую политику, заставляя, в частности, искусственно развивать дорогостоящую и неэффективную возобновляемую энергетику, производство электромобилей и пр.

1. Трансформация идей об экономическом росте

Экономический рост и его роль в предшествующий период. Постоянный экономический рост является одним из важнейших

признаков индустриального принципа производства, отличающего его от докапиталистических экономик [об этом свойстве см., например: Kuznets 1966; Gellner 1983; Геллнер 1991; Abramovitz 1961; Полетаев, Савельева 1993; Гринин 2003; 2009; Grinin 2006; 2007a; 2007b; Гринин, Коротаев 2009]. В марксистской политэкономии это «стремление» капиталистической экономики к постоянному росту довольно удачно называлось расширенным воспроизводством [Маркс 1960]². Стремление к расширению производства (что, собственно, и составляет основу экономического роста) было важнейшей причиной цикличности развития капиталистической экономики и экономических кризисов [подробнее о природе экономических кризисов и их связи с расширенным воспроизводством см.: Маркс 1960: 563; Туган-Барановский 2008; Mitchell 1927; Schumpeter 1939; Хансен 1959; Хаберлер 2008; Bernanke *et al.* 1998; Minsky 2005; Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012; Grinin *et al.* 2016]. Дело в том, что такое расширение на определенных этапах экономического цикла сопровождалось нарушением пропорций, перекредитованием и в итоге биржевым или иным крахом, вслед за которым наступали временное падение производства и некоторая его стагнация. Однако, несмотря на неравномерность и цикличность экономического развития, в целом капиталистическая экономика развивалась достаточно динамично, тем более что во второй половине XX в. с помощью различных мер цикличность удалось смягчить [Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012; Grinin *et al.* 2016].

В последние десятилетия XIX в. важность экономического роста начала все более осознаваться правительствами, а в XX в., особенно во второй его половине, стала приоритетом. Экономический рост означал также рост благосостояния большинства общества, поэтому его обеспечение становилось обязанностью политиков и стабильно входило в предвыборные обещания.

Напомним, что экономический рост имел два основных источника: постоянный рост населения и рост производительности труда за счет технологических нововведений. При этом в последние десяти-

² По мнению некоторых исследователей, такой тип экономического роста берет начало (по крайней мере, в Великобритании) с середины XVIII в. [Kuznets 1966; Crafts 1987; Williamson 1987; Полетаев, Савельева 1993]. Но все же окончательно он стал определяющим, как нам представляется, только в первой половине XIX в.

тилетия особенно важным показателем выступал экономический рост на душу населения (что выражалось в показателях ВВП и ВВП на душу населения, о которых мы поговорим ниже).

Уровень ежегодного экономического прироста, как уже сказано, стал одним из важнейших показателей эффективности экономики и работы правительства. В 1950–1970-е гг. в некоторых странах ежегодный прирост длительное время составлял удивительные 8–10 или даже больше процентов. Это дало основание говорить об экономическом чуде в Италии, Германии и особенно Японии. Замедление роста в 1970-х гг. в США и Европе вызвало к жизни идеи о магии свободного рынка, которому стали мешать регулирование со стороны правительства и высокие налоги (что отчасти было верным). Это сформировало идеологию рыночного фундаментализма и представлений о том, что вмешательство государства в экономику должно быть сведено до минимума [о рыночном фундаментализме см.: Волобуев 2021]. Рыночный фундаментализм был преобладающей «религией» Запада на протяжении четверти века [Stiglitz 2009]. У этой идеологии имеется много известных недостатков (см. ниже), но для целей нашего исследования важно, что базовыми посылами для его расцвета после десятилетий усиления государственного регулирования экономики были желание увеличить экономический рост и снять многие ограничения с бизнеса. С конца 1980-х гг. экономическое чудо, как известно, началось в Китае, где показатели роста длительное время (в течение двух-трех десятилетий) были даже выше 10 %. Все это существенно изменило мировой экономический ландшафт. С другой стороны, именно сильное замедление экономического роста в СССР в 1980-е гг. стало одной из важнейших причин его коллапса и дезинтеграции.

Однако отметим, что на Западе попытки сократить роль государства в экономике и перераспределении приводили к росту неравенства и прочим негативным последствиям, в результате чего рыночный фундаментализм, особенно после кризиса 2008 г., стали подвергать все более резкой критике³. Также «рыночники» способ-

³ В этом плане характерно название статьи Дж. Стиглица «Moving beyond Market Fundamentalism to a More Balanced Economy» («Движение за пределы рыночного фундаментализма к более сбалансированной экономике») [Stiglitz 2009].

ствоvalи взлету могущества финансового капитала, освободив его от многих необходимых (как показало будущее) ограничений, в результате чего тот быстро стал глобальным. И теперь этот глобальный капитал хоронит рыночный фундаментализм (см. ниже).

Измерение экономического роста. ВВП. До 1950–1970-х гг. экономический рост измерялся в натуральных величинах, то есть демонстрировалось изменение за определенный период в производстве натуральных физических продуктов (стали, автомобилей, станков, зерна и т. п.), и на основании этих показателей подводился общий итог роста с помощью довольно сложной методики. С 1940-х гг. сначала в США, а потом и в других странах стал распространяться показатель валового внутреннего продукта (ВВП), который создал известный американский экономист российского происхождения Саймон Кузнец. ВВП измерял объем производства в денежном выражении, фактически это была сумма доходов всех граждан (а также и проживающих в стране неграждан), которые получали эти доходы в результате своей деятельности или имущественных прав⁴. Это позволяло учитывать объем произведенных и реализованных услуг, которые нельзя было измерить в штуках и метрах.

В том, что ВВП давал общий денежный знаменатель для сложения самого разного типа товаров и услуг, было его большое преимущество. Но у него были и недостатки, которые приходилось дополнительно купировать альтернативными показателями ВВП и другими операциями⁵. Безусловно, при подсчете валового внутреннего продукта по доходам есть много неточностей, даже странностей или нелепостей, которые давно стали распространенными

Однако вскоре такая критика привела к идеям, что государство может бесконечно занимать деньги, а центральный банк эмитировать их «из воздуха».

⁴ Но есть и другие методы подсчета ВВП (в частности, производственный и использования доходов).

⁵ Так появился ВВП по паритету покупательной способности для сравнения объемов произведенного в разных странах, поскольку ВВП в них измерялся в долларах. Но цена доллара к национальной валюте часто была завышена. Поэтому использовали ВВП по покупательной способности, то есть то, сколько товаров одинакового назначения и качества можно было купить в определенный год на марку, доллар или рубль.

примерами в экономической науке⁶. [Примеры разнообразной критики ВВП см: Costanza *et al.* 2014; Easterlin 2010; Goldsmith 2019; Кароор, Debroy 2019; McElwee, Daly 2014; Weizsäcker, Wijkman 2018]. Тем не менее этот инструмент оказался очень удобным для измерения процессов экономического развития, для сравнения такого развития в разных странах, для понимания того, как те или иные явления, политика правительства или технологические инновации влияют на развитие и рост. Сама методика подсчета ВВП за многие годы значительно усовершенствовалась. И хотя в каждый конкретный год она может быть в чем-то неточной, в целом этот показатель довольно хорошо демонстрирует развитие и спады, успехи или провалы экономической политики разных стран, позволяет легко выделить мировых лидеров и аутсайдеров.

Поэтому критика ВВП, направленная на уточнения измерений, вполне приемлема. Но пока лучшего инструмента для измерения роста экономики не создано, всякие попытки отказаться от ВВП принесут серьезный вред. Ведь нет ни одного экономического показателя, который бы не имел недостатков. Важнее, насколько удобен этот показатель, какие преимущества он имеет. А ВВП, как уже сказано, имеет существенные преимущества. Также важно иметь

⁶ Так, объем ВВП увеличивается без фактического увеличения производства, если ранее потребляемые в домохозяйствах продукты идут на рынок. Например, если фермер произвел мясо, но не продал его, а его съели работники фермы, то это мясо не учитывалось в ВВП, но если он его продавал и на эти деньги что-то покупал, то все это учитывалось. Таким образом, ВВП и без того отстающих стран со слабым развитием рыночных отношений фактически занижался, а ВВП стран с гипертрофированным развитием рыночных отношений завышался. В странах, где значительное число производителей ради сокрытия реального объема доходов от налогообложения занижали эти доходы, ВВП соответственно занижался. Поэтому впоследствии экономисты путем экспертной оценки определяли долю таких неучтенных доходов и добавляли их к ВВП. Напротив, улучшение качества продукции, если это не влечет роста цены на нее, не отражается в ВВП, а если цены при этом падают (как это происходило с компьютерами или сотовыми телефонами), то и ВВП сокращается. Есть и парадоксы ВВП. Например, если землетрясение или война разрушили города, но затем последние быстро отстраиваются, то в год восстановления ВВП существенно увеличится, хотя по факту число домов в стране не увеличится, а скорее даже уменьшится. В подсчет ВВП также могли попадать и услуги с криминальным или полукриминальным происхождением, например доходы от проституции.

в виду, что если раньше критика ВВП имела, скорее, академический характер в спорах между экономистами, то в последнее время ее направленность изменилась, с ее помощью пытаются скрыть тот факт, что потенциал развитых государств снизился, и поставить под сомнение необходимость экономического роста вообще.

Нередко предложения по изменению методик подсчета ВВП направлены на то, чтобы искусственно добавить объем ВВП западным странам, увеличив тем самым показатели разрыва с развивающимися странами⁷. Иными словами, это делается, чтобы скрыть слабую экономическую динамику первых. Искусственно увеличенный ВВП будет показывать превосходство западных стран и успокаивать западного наблюдателя. Так, есть предложения включить в ВВП показатели безопасности, свободы, экологические, культурные и иные показатели, по которым развитый Север однозначно превосходит развивающийся Юг. Формально это может выглядеть разумным, но попытки постоянно менять «правила игры» со стороны Запада лишь доказывают, что на самом деле это объясняется стремлением «подкрутить» показатели, чтобы разрыв между развитыми и развивающимися странами не уменьшался, а оставался стабильно высоким или даже увеличивался.

Изменение соотношения в темпах роста ВВП между развитыми и развивающимися странами. Длительное время развитые страны опережали развивающиеся по темпам роста ВВП. Это казалось естественным, также господствовало представление, что такой разрыв будет едва ли не вечным. Однако затем ситуация стала резко меняться в пользу развивающихся стран, куда перебазировались промышленные предприятия Запада. В 1990-х и особенно 2000-х гг. не только Китай, но и многие другие развивающиеся страны стали демонстрировать высокие темпы экономического роста, начиная, таким образом, постепенно подтягиваться к уровню развитых стран⁸. Разумеется, им еще очень далеко до этого уровня, но разрыв

⁷ США уже несколько раз «подкручивали» показатель ВВП в свою пользу. Например, до определенного периода военные расходы в ВВП не включались, а затем стали включаться. Нетрудно угадать, в чью пользу было такое изменение.

⁸ Этому значительно способствовал перенос многих промышленных производств из развитых стран в развивающиеся (часто называемый деиндуст-

заметно сократился даже по показателям на душу населения. Мы назвали этот процесс *Великой конвергенцией* [Grinin, Korotayev 2015; Гринин, Коротаев 2016] в противоположность Великой дивергенции XIX в., когда страны Европы и США с каждым годом отрывались от государств Азии [см., например: Голдстоун 2014; Goldstone 1991; Pomeranz 2000; 2002; Frank 1998; Marks 2002; de Vries, van der Woude 1997; Vries 2010]. Опережающий рост экономик развивающихся стран будет продолжаться за счет источников, которые уже давно исчерпаны в развитых странах: более быстрого увеличения населения, растущей урбанизации, механизации, внутреннего рынка.

Напротив, в Японии и ряде европейских стран темпы экономического роста в последние десятилетия заметно снизились, что было связано как с падением рождаемости и прироста населения в этих странах (где-то он стал даже отрицательным), так и с невозможностью повысить производительность труда.

В настоящее время западные экономики не в состоянии реально увеличить темпы роста (по крайней мере, в ближайшем будущем). Но разрыв в развитии первого и третьего миров сокращается, тревожит элиту развитых стран. Тем более что значительная часть элиты и среднего класса США и Европы считают (и желают считать и дальше) себя гражданами стран и регионов, которые являются авангардными, ведущими за собой остальной мир. Но если европейцы и американцы – авангард человечества, его передовой отряд, то как они могут отставать в темпах роста, оставаясь передовыми? Здесь на помощь пришли глобалисты и зеленые, которые объяснили, что экономический рост вреден климату. А раз так, то к росту могут стремиться только несознательные (а следовательно, отстающие) страны⁹.

риализацией), поскольку компаниям это давало больше прибыли и делало их продукцию более конкурентоспособной за счет более низкой заработной платы. Дополнительно отметим, что рост производительности труда в сфере услуг, где занято до 80 % всего трудоспособного населения (именно таковы западные экономики сегодня), в отличие от промышленности, затруднен. И такая структура экономики усугубляет ее стагнацию.

⁹ Ощущение превосходства над другими странами многим европейцам, безусловно, дает экологическая политика. Мы даже полагаем, что одна из важнейших

Таким образом, в отношении темпов роста Запад начинает действовать, как лиса из басни, объявляя, что «зелен виноград», или как герой Салтыкова-Щедрина, предлагавший «закрыть Америку». Рассмотрим, однако, экономические причины такого поворота.

Изменения после великой рецессии. Идеологический поворот. Первые несколько лет после 2008 г. правительства стремились вернуться к приемлемому экономическому росту. Но это не дало эффекта потому, что используемые для смягчения последствий меры в виде накачки денежной массы в экономику, снижения до нуля кредитных ставок и быстрого увеличения объема государственного долга привели к тому, что дешевые деньги ослабили борьбу за эффективность производства. Экономика все более становилась спекулятивной, а не производительной, в результате доля промышленного и иных производительных секторов сократилась, а финансового, наоборот, увеличилась. Кроме того, низкий спрос и дешевый импорт привели к стагнации и даже падению цен производителей. Этот процесс, именуемый дефляцией, правительства стали «лечить» еще большей эмиссией денег в надежде разогнать рост цен¹⁰. Но новые деньги в основном надували пузыри на фондовых рынках, что обогащало финансистов и в то же время увеличивало в США и других странах экономическое неравенство¹¹. В итоге эти новые финансовые технологии (количественного смягчения, околонулевых ставок и пр.) связали финансовые власти и правительства так, что без финансовой накачки уже невозможно было удер-

причин (помимо многих других), по которым американцы и европейцы пытаются навязать идеологию ЛГБТ всем остальным странам [см.: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2021а; 2021б], – та, что многим гражданам Запада в этом видится некая авангардность, новый уровень, до которого «варварам» из периферии еще нужно подтягиваться. Так сказать, «бремя белого человека» меняется на «бремя гендерного человека».

¹⁰ Затяжную дефляцию мы назвали «японской болезнью», поскольку в Японии эти процессы обнаружили 15–20 годами раньше [см.: Гринин, Коротяев 2015].

¹¹ Однако массовая и прямая раздача денег в 2020–2021 гг. привела к тому, что проблема дефляции оказалась «решена», поскольку в 2021 г. спрос явно превышает предложение и результатом стал быстрый рост инфляции. По-видимому, западный мир вступает в эпоху, когда низкий рост экономики будет сочетаться с ростом цен (в 1970-е гг. такую ситуацию назвали стагфляцией). Но к такому развитию событий западные лидеры совершенно не готовы. Посмотрим, как будут ее интерпретировать (или замалчивать) идеологи глобалистов.

жать фондовые рынки от обвала, а правительства от дефолта [см.: Гринин 2021]. В итоге западные экономики могли показывать минимальный рост только при продолжении и усилении накачки денег (а в реальности без этого экономический рост становился отрицательным).

Так возникло то, что назвали новой «нормальностью». Это политика дешевых или даровых (для банков) денег за счет околонулевых или даже отрицательных кредитных ставок (ставки рефинансирования) ЦБ и соответственно пониженные ставки у коммерческих банков, а также так называемая «мягкая» денежная политика, то есть фактическая и все увеличивающаяся эмиссия сверх необходимой и, соответственно, рост числа фирм, едва держащихся на плаву за счет дешевых кредитов. Некоторые, как нобелевский лауреат по экономике Пол Кругман, на полном серьезе стали говорить о том, что «ответственное поведение – верный рецепт экономического провала», что надо печатать и печатать деньги, что западные страны не могут обанкротиться и т. п. [Кругман 2013а; 2013б]. Когда это только обсуждалось, политики справедливо считали такой подход опасной «экзотикой», но с каждым годом все активнее втягивались в нее. Наконец, в 2020 г. они в связи с локдауном и пандемией перешли к прямой раздаче денег (среди экономистов называемой «вертолетной»), раздав много триллионов долларов, евро, фунтов и т. п., и продолжают эту политику по сей день. Все попытки добиться реального (не «накачанного» искусственным спросом) роста в районе хотя бы в 2–3 % в год в итоге провалились. Какие-то успехи в период президентства Д. Трампа в этом плане были перечеркнуты в 2020 г. В 2021 г. можно ожидать восстановительного роста, но по факту, если он и случится, то будет создан массовой раздачей даровых денег (а также манипуляциями с подсчетом инфляции и ВВП).

Каковы же результаты перехода к политике денежной накачки и дешевых денег?

Во-первых, масса дешевых денег сильно сократила те сферы, где можно получить достаточно высокую прибыль, а вместе с этим сократились и возможности роста ВВП.

Во-вторых, и это исключительно важно для понимания идеологического поворота, быстрый рост массы денег вместе со сложно-

стью их выгодных инвестиций привел к тому, что глобалисты стали очень активно искать приложения растущим капиталам на пути реализации в мировом масштабе зеленой повестки (то есть замены углеродной энергетики зеленой, углеродного транспорта – электрическим и т. п.)¹².

В-третьих, на этом фоне усиливается слияние финансовых властей и крупнейших финансовых корпораций (во всех видах, включая персональное, то есть переход высших руководителей из корпораций в финансовые органы и наоборот). Это резко усиливает власть глобалистов в ведущих западных странах, включая США.

На фоне низких темпов роста идеи западного авангардизма и реформирования мировой экономики на «зеленые» рельсы совпали, что усилило идеи ненужности быстрого роста. В итоге все более активными стали идеи о том, что экономический рост фактически не нужен, что стремиться к высоким его показателям не нужно и вредно, а можно ориентироваться на пример Японии, где за последние 25 лет экономический рост составил всего 17 % (то есть в среднем 0,7 % в год). Так формируют новую «норму». А если это нормальность, а более высокие темпы роста, которые были раньше, – аномалия, тогда логичен вопрос, полезна ли «одержимость» ростом? И логичен вывод, что нет смысла преследовать цель все более высокого роста ВВП. Мало того, стремление к высоким темпам – вредно, поскольку чрезмерная зависимость политиков от экономического роста как показателя процветания привела к истощению природных и социальных ресурсов¹³. Но, по сути, это означает, что западный мир в лице глобалистов выдает нужду за добродетель.

¹² В современных США пока еще не отказываются от идеи достичь высоких темпов роста, но для правящей там ныне элиты гораздо более приоритетны зеленые мегапроекты (на 3 с лишним триллиона долларов). Мы полагаем, что Америка в весьма недалеком будущем возьмет на вооружение идею, что высокие темпы роста не нужны в принципе, поскольку ресурсов для них в США почти не осталось, а ускоренная финансовализация экономики ограничивает возможности роста. Единственный возможный ресурс – новая технологическая волна, но она вряд ли вероятна ранее, чем через 10 лет.

¹³ Вопрос о том, что у роста есть пределы, что гонка за экономическим ростом грозит истощением ресурсов, разрушением экологии и демографическим коллапсом, стал активно обсуждаться еще со времен появления знаменитого доклада Римского клуба «Пределы роста» (Медоуз 1991 [1972]). Но этот доклад, как и последующие, все же в основном воспринимался как крайность.

Для того чтобы окончательно снять с повестки дня приоритетность роста экономики (и ВВП как его показателя), активизируются новые идеологические установки.

Во-первых, что капитализм, который обеспечивал развитие технологии и экономики в течение столетий, себя изжил, стремление к прибыли надо заменить на «вовлеченность» как можно большего числа людей в «управление экономикой» (конечно, по факту декларативное), что конкуренция предпочтительнее солидарности, а социальное благосостояние важнее экономического роста. Идеи о том, что капитализм изжил себя, стали озвучиваться даже в России, причем на самом высоком уровне. И это в нашей стране, где люди никогда не жили при «развитом» капитализме, а только при «бандитском» капитализме и госкапитализме, то есть в условиях строя, где убытки несет общество, а прибыль получают приближенные к власти «бизнесмены». Это показывает, сколь велико влияние глобалистов в идеологии.

Во-вторых, что политикам не нужно заикливаться на задаче обеспечения роста ВВП – есть более важные задачи, климатические и социальные. Наиболее последовательно такая идеология продвигается в Европе.

В-третьих, что низкие или даже околонулевые темпы роста экономики – это новая «нормальность». Такие подходы вполне созвучны растущим левым настроениям в политических и научных кругах.

Конечно, существуют разные точки зрения на то, имеет ли капитализм будущее или он должен быть заменен неким подобием социализма/госкапитализма с более глубокой распределительной системой. Например, в очень интересной и показательной книге «Есть ли будущее у капитализма?» [Валлерстайн и др. 2015; Wallerstein *et al.* 2013] мнения ее авторов разделились. Одни из них (Иммануил Валлерстайн и Рэндалл Коллинз) считают, что капитализм обречен, другие (Майкл Манн и Крэг Калхун) полагают, что в какой-то форме капитализм останется. Но все они полагают, что экономический рост существенно замедлится или даже прекратится, в лучшем случае он будет минимальным. Так, М. Манн склоняется к тому, что рост в 1 % не должен считаться кризисом капитализма, поскольку ранее (в XVIII в.) такой темп роста был нормаль-

ным [Валлерстайн и др. 2015: 143–144]¹⁴. Европейские идеологи ставят в пример низкие темпы роста Японии. Ниже мы еще разберем эти вопросы более подробно и проанализируем, к чему это может привести. В следующем параграфе мы рассмотрим, возможно ли отказаться от экономического роста и стремления к прибыли, и не приведет ли отказ от роста как цели к стагнации общества.

2. Что сулит жизнь без экономического роста

Разрушение экономического базиса и сокращение объема общественных благ. Что означает отказ от стремления к более высокому росту для экономики страны? По сути, это ее медленное удушение, так как без развития экономика ослабевает. Кроме того, к этому добавятся попытки перестройки мировой экономики на зеленый, климатически нейтральный лад. И в результате чем жестче будет зеленый курс, тем хуже станет развиваться экономика.

Во-первых, низкий экономический рост означает ослабление общества и оскудение «общего котла», из которого черпаются блага для высокого уровня жизни на Западе. Пока он поддерживается печатанием не обеспеченных реальными благами денег в развитых странах. Но рано или поздно этот источник иссякнет в результате инфляции и сокращения отдачи от вложений (в 2021 г. мы увидели, как может возникнуть дефицит самого необходимого, если экономика слабеет, а весь расчет строится на эмиссии денег).

Во-вторых, это опасно в связи с тем, что естественный прирост населения в развитых странах резко снижается (а в некоторых государствах он имеет отрицательные значения). Соответственно, рост ВВП за счет роста населения уже невозможен. Однако еще хуже то, что некому выполнять многие виды работ, без которых качество жизни быстро упадет. Сегодня в некоторых государствах, например в Германии, эта проблема частично решается за счет мигрантов (что негативно сказывается на тех восточноевропейских странах, откуда они мигрируют), а увеличение количества мигрантов из исламских и африканских стран разрушает идентичность европейских обществ. Поэтому данное направление ограничено,

¹⁴ Это действительно так, но тот 1 % был достигнут при твердых ценах, золотых деньгах и без помощи центральных банков, поэтому его не стоит приравнивать к нынешнему, «накрученному».

без роста производительности труда (и соответственно ВВП) поддержать нынешний уровень жизни будет невозможно.

В-третьих, уже сегодня западные общества заметно стареют. Это означает, что число работающих на одного пенсионера постоянно уменьшается, а нагрузка на работающих соответственно растет. И если нет роста производительности труда и роста экономики, возникнет кризис пенсионного обеспечения, который будет постоянно усиливаться. Выход из такого кризиса в экономике без роста крайне неприятен – повышение пенсионного возраста, фактическое уменьшение пенсий или повышение налогового пресса. А постоянная эмиссия денег обесценивает накопления, сделанные за десятки лет пенсионерами. При этом копится очень крупный долг перед будущими поколениями, как явный (в виде растущего госдолга), так и неявный – перед будущими пенсионерами, количество которых будет возрастать. А стареющее общество, не стремящееся к экономическому росту, медленно, но верно движется к стагнации и деградации¹⁵.

В-четвертых, без роста останавливаются социальные лифты. Каким образом молодым людям делать карьеру, да еще в обществе, где наиболее престижные места занимают старики? Могут разгореться социальные конфликты, усиленные возрастными противоречиями.

Все это разрушает экономический базис западных стран, их динамизм, активность, ведущее положение. Они незаметно, а потом и явно начинают деградировать. Это неизбежно без поощрения активного меньшинства, у которого должна быть возможность для самореализации и роста и которое становится во многом авангардом для всего общества. «Кровь» общества застаивается, оно впадает в анабиоз, все более прислушиваясь к политикам-демагогам, обещающим чудесные рецепты без усилий. Все сильнее будут дей-

¹⁵ Западные страны в 1990–2010-е гг. имели огромные демографические дивиденды, поскольку у них была относительно большая доля населения возраста 20–40 лет (наиболее трудоспособная), образовавшаяся за счет послевоенного демографического бума. В то же время у этих молодых и средних лет людей количество собственных детей было меньше, чем у их родителей, поэтому они жили лучше. Но Запад истратил свои демографические дивиденды, теперь подрастающее поколение по численности меньше стареющего (и к тому же со значительной долей молодых людей иноэтничного происхождения).

ствовать регуляторные механизмы, в результате чего активность и пассионарность будут еще более ослабевать.

Опасность для демократии. Устойчивая демократия – одно из крупнейших преимуществ западных стран и предмет их гордости. Однако демократия – строй очень эгоистичный, он имеет преимущества только в определенных условиях. Вот почему демократия так долго уступала по эффективности монархиям и могла существовать только в небольших торговых государствах либо в аристократических республиках, а процветать – лишь относительно короткое время. То есть расцвет демократии был коротким, а упадок – длительным¹⁶. Западная демократия смогла распространиться только в результате соединения ее с капиталистическим строем в экономике, но не просто капитализмом, а капитализмом промышленным. Последний, как известно, основывается на постоянном техническом прогрессе, росте экономики и вместе с тем на росте уровня жизни (хотя для наемных рабочих это стало реальностью лишь спустя несколько десятилетий). Таким образом, и на Западе преимущества демократии могли проявиться и проявляются сегодня лишь в условиях стабильного роста уровня жизни. А последнее может иметь место в более или менее длительные периоды (десятилетия) именно в условиях экономического роста.

При уменьшении экономического пирога демократия становится режимом, генерирующим внутреннюю борьбу, резкий рост популизма и прочего. В США длительный период отсутствия роста уровня жизни у значительной части населения, усиление неравенства и деградация ряда штатов (так называемый «ржавый пояс») вызвали растущее разочарование в демократии и углубление раскола в связи с президентством Д. Трампа. В отсутствие экономического роста и невозможности постоянно и в возрастающем количестве печатать деньги призывы к увеличению расходов неизбежно приведут к повышению налогов. Мы видим это уже сегодня: угле-

¹⁶ Все знают о расцвете демократии в Афинах в V в. до н. э., который привел к небывалому подъему афинской (греческой) культуры в этот золотой век (особенно в период правления Перикла). Но не все знают о том, что после поражения Афин в Пелопоннесской войне против Спарты (в конце V в. до н. э.) первые потеряли возможность использовать средства своих союзников, и с этого момента начинается закат афинской демократии.

родный налог, повышение налогов для богатых в США, договоренности о деофшоризации (минимальная планка налогов в большинстве государств) и др. Это неизбежно ухудшит положение бизнеса, что, в свою очередь, сократит возможности экономического роста. То есть экономики попадают в порочный круг. Но это коснется не только бизнеса или богатого меньшинства. Эта ситуация войдет в глубокую конфронтацию с демократией. Ведь сегодняшние бюджеты западных стран – социальные, большая часть расходов предназначена для финансирования социальных статей (в США это две трети бюджета). С учетом старения населения такие расходы должны расти. Но очевидно, что за счет налогов невозможно будет решать эти финансовые проблемы, а избиратели вряд ли согласятся на сокращение социальных расходов. Значит, здесь конфликт неизбежен, причем конфликт, любые разрешения которого ведут страны к упадку.

Вес и значимость стран в будущем в связи с разницей в темпах роста населения и экономики изменится драматически. Вернемся к тому, что мы говорили о роли политики дешевых денег, и рассмотрим, как это влияет на возможность потери лидерства.

Во-первых, политика дешевых денег и массовых денежных раздач порождает все большую по численности генерацию слабых экономических игроков, способных лишь дрейфовать от займа к займу. Это в целом существенно снижает деловой климат и дух предпринимательства.

Во-вторых, доступность дешевых денег ослабляет конкурентоспособность западных экономик на рынке экспорта, усиливает их зависимость от импорта¹⁷. Они превращаются в государственно-спекулятивные экономики, которые в мировом разделении труда движутся в сторону все большей специализации на эмиссии валют.

Теперь рассмотрим более наглядные вещи. Очевидно, что если население и экономика развивающихся стран растут более быст-

¹⁷ Здесь особенно характерен пример США, дефицит торгового баланса которых постоянно растет, достигнув в 2021 г. 70–75 млрд долларов ежемесячно, что означает годовой дефицит, приближающийся к 1 трлн долларов [о том, как в США сказываются эти негативные факторы, см.: Гринин 2018; Grinin, Korotayev 2020].

рыми темпами, чем развитых, то в итоге экономический, а затем и политический вес первых вырастет, а вторых – сократится, хотя это небыстрый процесс. Но он станет гораздо более заметным уже в течение одного-двух ближайших десятилетий.

Как мы видели, западные страны безнадежно проиграли демографическое соревнование развивающимся. И вместо того чтобы пытаться выиграть в технологической и экономической отраслях, они стремятся уверить всех, что рост не нужен, оспаривают его важность, заявляя, что сокращение населения не обязательно должно вести к экономическому забвению. И если ранее японский пример очень низкого роста ВВП рассматривался другими странами как негативный, нежелательный сценарий, то в настоящий момент его оценка неожиданно поменялась на прямо противоположную. Высказываются даже идеи, что путь вперед может быть вдохновлен примером Японии.

Поэтому стоит остановиться на ситуации в Японии. Нельзя, конечно, сказать, что страна совсем не развивается. Технологическое развитие там продолжается, в некоторых отношениях Япония остается лидером (например, в робототехнике). Но в целом слабый экономический рост наряду с отрицательным ростом населения замедляет развитие страны. Дефляция длится уже более двух с половиной десятилетий, во многом из-за пожилого населения, которое не хочет тратить много денег и предпочитает экономить. Неудивительно, что настроение жителей Японии довольно подавленное [Coleman, Rowthorn 2015: 31; Ogawa *et al.* 2005; Coulmas 2007; Гринин, Коротаев 2015]¹⁸. И кажется, это негативно влияет на молодое поколение. У Японии много проблем, особенно у молодежи (в том числе наблюдается снижение сексуального влечения у обоих полов). В частности, сведение счетов с жизнью остается самой частой причиной смерти в возрастной группе от 15 до 39 лет. Япония благодаря государственной политике добилась сокращения числа суицидов, но все равно этот показатель у нее достаточно высокий

¹⁸ Очень вероятно, что быстрый рост цен на энергию, сырье и другие импортные материалы сможет запустить инфляцию в Японии, чего никак не удавалось сделать ранее. Но мы сомневаемся, что такой импорт инфляции осчастливит Японию или даст толчок ее экономике.

(выше, чем во многих развивающихся странах). Таким образом, японский пример низкого роста ВВП вряд ли можно рассматривать как подходящий для остальных. Кроме того, важно понимать, что японские корпорации довольно активны за рубежом, в частности в Китае. Таким образом, фактический экономический рост там выше, поскольку частично рост происходит вне собственно Японии за счет японских капиталов и технологий (соответственно дивиденды и доходы идут в Японию). Но в конечном счете вывод капиталов за границу ослабляет метрополию.

Мы убеждены, что такая демографическая ситуация, как в Японии или Южной Корее, рано или поздно ведет к экономическому и/или политическому упадку. К 2100 г., по среднему прогнозу при сегодняшней демографической динамике, доля пожилого населения (60+) в Японии будет составлять чудовищные 50 %, а в Южной Корее даже больше половины – 54 %. Вряд ли можно надеяться, что такое общество не утратит динамизм. При этом демографы прогнозируют значительное сокращение населения к 2100 г. в большинстве западных стран. Сжавшиеся демографически, постаревшие, сильно разбавленные небелым и в основном исламским населением, подавленные политкорректностью и мультикультурализмом, с победившими ЛГБТ и иными меньшинствами, с разрушенным экономическим базисом, живущие воспоминаниями о былом величии, эти лишенные динамизма общества будут играть все меньшую роль в мировом концерте и представлять собой памятники прошлому. Нам самим не хотелось бы верить в такой прогноз, но он вполне реален, если идти по пути сокращения темпов роста ВВП. Закат Запада, о котором писал О. Шпенглер сто лет назад, в этом случае неизбежен. Но, по всей видимости, примерно через два-три десятилетия в этих обществах возникнут такие серьезные внутриобщественные конфликты и расколы, что их последствия будут весьма печальными для ряда стран.

Длительное время действовало правило – кто впереди по технологиям, производительности труда, объему производства, темпам роста, динамичности, тот и лидер, на ту систему и надо равняться. Смена лидера вызывала очень серьезные изменения в Мир-Системе, это получило название *циклы гегемонов* [Арриги 2006;

2009; Модельски 2005; Модельски, Томпсон 1992; Modelski 1987; Modelski, Thompson 1996; Chase-Dunn, Podobnik 1995]. И социализм потерпел поражение в соревновании с капитализмом именно по причине отставания от последнего в технологиях, что привело к резкому снижению темпов роста. Но теперь эти параметры лидерства у Запада ослабевают. *В результате без ориентира на рост их общества ожидает глубокий внутренний кризис.*

Западные страны пытаются поставить все остальные страны в строй, чтобы они выполняли фактические их директивы в отношении регулирования экономики (а точнее, директивы глобалистов, которые оказались способными влиять на политику многих стран через различные каналы и структуры). Но поскольку эти предложения в случае их полной реализации приведут к фактическому резкому торможению развивающихся экономик и перераспределению ресурсов в пользу западных стран, можно не сомневаться, что эффект их влияния на развивающиеся страны будет минимизирован последними. Подъем третьего мира (уже в связи с ростом там населения, которое составляет сегодня 9/10 мирового роста) в любом случае не остановить, несмотря на возможные и даже неизбежные временные колебания.

Отметим еще один современный важный парадокс, связанный с Великой конвергенцией развивающихся и развитых стран. Выше мы говорили, что ситуацию с нехваткой средств в бюджетах западные страны пытаются исправить путем наращивания государственного долга и эмиссии через ЦБ. Это усиливает рост импорта в них. Но именно эти эмитированные деньги все активнее «оплодотворяют» экономики развивающихся стран, которые все больше товаров и услуг поставляют на западные рынки. Этот процесс будет продолжаться, поскольку отказываться от такой эмиссионной практики развитые страны не собираются. В результате повторяется история с выводом промышленности из стран первого мира в страны третьего мира, благодаря чему последние значительно выросли и получили мощный импульс. Потребность в подъеме экономик развивающихся стран, в том числе государств Африки, будет увеличиваться в связи с ростом спроса на их ресурсы со стороны развитых стран (в том числе для зеленой энергетики и машиностроения, где требуются в большом объеме различные металлы и материалы). Кроме того, развивающиеся страны в любом случае будут

расти длительное время за счет роста внутреннего рынка и мощного процесса урбанизации.

Таким образом, в течение ближайших десятилетий можно ожидать, что западные страны, проводящие политику, выгодную глобалистам и во многом противоречащую их национальным интересам, будут терять свои лидерские позиции, уступая их новым растущим экономикам.

Краткое заключение

Завершая первую статью, особо подчеркнем: мы пытаемся доказать совсем не то, что рост в традиционных отраслях экономики будет бесконечно продолжаться. Напротив, история прогресса индустриального производства показывает, что время от времени одни отрасли деградируют, а другие – передовые на тот момент – начинают выходить вперед и показывать впечатляющий рост. Затем и они становятся вчерашним днем и начинают стагнировать. Но в целом мы видим поступательный рост индустриального, постиндустриального и информационного производства, которое можно представить именно в росте ВВП. ***Мы хотим доказать, что независимо от неизбежной перестройки экономики (в связи с НТП и возможным усилением движения по зеленому курсу) экономический рост должен и будет продолжаться. Идея о том, что сегодня созданы какие-то небывалые условия, которые препятствуют экономическому росту, а с ним и возможности получения прибыли – ложные. Необходимо искать правильные ориентиры для экономического роста, оптимальное сочетание общественной и личной выгоды, сохранять лучшие качества социального строя – капитализма, который впервые в истории создал условия для стабильного роста уровня жизни, реализации возможностей сотен миллионов людей, постоянно отыскивая способы нивелировать свои негативные стороны.***

Вторая статья, которая выйдет в следующем номере журнала «Философия и общество», посвящена вопросу о том, почему без экономического роста общество начинает стагнировать; вскрывает причины роста глобализма как силы, которая начинает трансформировать национальные интересы в свою пользу; показывает, чьи интересы стоят за попытками ускоренно достичь углеродной

нейтральности и к чему они могут привести. Эти попытки означают, что речь идет о радикальной перестройке всей экономической парадигмы, которая существовала на протяжении двух столетий и, несмотря на ее серьезные изъяны и пороки, обеспечивала мощный рост производства, потребления, общей культуры, благосостояния и сокращения бедности во всем мире. Будет рассмотрено, возможно ли отказаться от экономического роста, не жертвуя не просто очень многим, но первоосновами жизни в целом. Мы покажем, к каким последствиям это может привести и каким образом можно оптимизировать экономический рост в дальнейшем, а также затронем вопрос, действительно ли можно отказаться от прибыли или резко уменьшить стремление к ней. В статье будет показано, почему вместе с ростом глобализма происходит возрождение социалистических идей в их левоглобалистском варианте и почему итогом борьбы с капитализмом, прибылью, неравенством может стать переход к глобальному неосоциалистическому обществу со всеми его известными проблемами и тупиками.

Литература

Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М. : Территория будущего, 2006.

Арриги Дж. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М. : Ин-т общественного проектирования, 2009.

Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М., Дерлугьян Г., Калхун К. Есть ли будущее у капитализма?: сб. ст. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Волобуев А. В. Постглобализация и грани фундаментализма // Век глобализации. 2021. № 3. С. 33–44.

Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991.

Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014.

Гринин Л. Е. Производительные силы и исторический процесс. 2-е изд. Волгоград : Учитель, 2003.

Гринин Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. 2-е изд. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2009.

Гринин Л. Е. Вербальная модель соотношения длинных кондратьевских волн и среднесрочных жюглярских циклов // История и Математи-

ка: Анализ и моделирование глобальной динамики / под ред. А. В. Коротаева, С. Ю. Малкова, Л. Е. Гринина. М. : ЛИБРОКОМ, 2010. С. 44–111.

Гринин Л. Е. Слабости Америки и президент Трамп // История и современность. 2018. № 3. С. 3–31.

Гринин Л. Е. 2021. Отрицательные ставки и другие новейшие финансовые технологии // Общество и экономика. № 2. С. 18–30. URL: <https://doi.org/10.31857/S020736760013634-6>.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Глобализм против американизма. Часть первая. Как глобалисты истощают ресурсы США для построения нового глобального порядка // История и современность. 2021а. № 2. С. 3–43. URL: <https://doi.org/10.30884/iis/2021.02.01>.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. Глобализм против американизма. Часть вторая. Глобализм и будущее США и мира // История и современность. 2021б. № 3 (в печати).

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. М. : ЛИБРОКОМ/URSS, 2009.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. М. : ЛКИ, 2012.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Дефляция как болезнь современных развитых стран // Анализ и моделирование мировой и страновой динамики: методология и базовые модели / отв. ред. В. А. Садовничий, А. А. Акаев, С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин. М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015. С. 241–270.

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Арабский кризис и реконфигурация Мир-Системы. Арабский кризис: Угрозы большой войны / под ред. А. М. Васильева. М. : УРСС, 2016. С. 286–329.

Кругман П. 2013а. Когда экономическая осмотрительность становится безрассудством [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/krugman/2013-05-27/5_wariness.html.

Кругман П. 2013б. Развитые страны не могут обанкротиться [Электронный ресурс]. URL: <http://https://www.lcmmedia.com.ua/news/6278-pol-krugman-razvityie-strany-ne-mogut-obankrotitsya/>.

Маркс К. 1960. Капитал. Т. II. Гл. 21 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24. М. : Политиздат, 1960. С. 556–596.

Медоуз Д. 1991 [1972]. Пределы роста. М. : МГУ.

Модельски Дж. Эволюция глобальной политики // Полис. Политические исследования. 2005. № 3. С. 62–82.

Модельски Дж., Томпсон У. Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и международная политика // Вопросы экономики. 1992. № 10. С. 49–57.

Полетаев А. В., Савельева И. М. Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования). М. : Наука, 1993.

Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. М. : Директмедиа Паблишинг.

Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск : Социум, 2008.

Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М. : Изд-во ин. лит-ры, 1959.

Abramovitz M. The Nature and Significance of Kuznets Cycles // *Economic Development and Cultural Change*. 1961. Vol. 9(3). Pp. 225–248.

Bernanke B., Gertler M., Gilchrist S. The Financial Accelerator in Quantitative Business Cycle Framework. NBER Working Paper No. 6455. Cambridge, MA : NBER, 1998.

Chase-Dunn Ch., Podobnik B. The Next World War: World-System Cycles and Trends // *Journal of World-Systems Research*. 1995. Vol. 1(6). Pp. 1–47.

Coleman D., Rowthorn R. Population Decline – Making the Best of Inevitable Destiny? // *History & Mathematics: Political Demography and Global Ageing*. Volgograd: Uchitel, 2015. Pp. 26–41.

Costanza R., Kubiszewski I., Giovannini E., Lovins H., McGlade J., Pickett K. E., Ragnarsdóttir K. V., Roberts D., De Vogli R., Wilkinson R. Development: Time to Leave GDP Behind // *Nature News*. 2014. Vol. 505(7483). Pp. 283–285. DOI: <https://doi.org/10.1038/505283a>.

Coulmas F. Population Decline and Ageing in Japan – The Social Consequences. London; New York : Routledge, 2007.

Crafts N. F. R. British Economic Growth, 1700–1850; Some Difficulties of Interpretation // *Explorations in Economic History*. 1987. Vol. 24(3). Pp. 245–268.

Easterlin R. A. Well-Being, Front and Center: A Note on the Sarkozy Report // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36(1). Pp. 119–124.

Frank A. G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley, CA : University of California Press, 1998.

Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford : Blackwell, 1983.

Goldsmith C. Why GDP is no Longer the Most Effective Measure of Economic Success [Электронный ресурс] : World Finance. 2019. URL: <https://www.worldfinance.com/strategy/why-gdp-is-no-longer-the-most-effective-measure-of-economic-success> (дата обращения: 19.09.2020).

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkeley, CA : University of California Press, 1991.

Grinin L. E. Periodization of History: A Theoretic-Mathematical Analysis // History & Mathematics: Analyzing and Modeling Global Development / ed. by L. Grinin, V. de Munck, A. Korotayev. Moscow : KomKniga/URSS, 2006. Pp. 10–38.

Grinin L. E. Production Revolutions and Periodization of History: A Comparative and Theoretic-mathematical Approach // Social Evolution & History. 2007a. Vol. 6(2). Pp. 11–55.

Grinin L. E. Production Revolutions and the Periodization of History // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2007b. Vol. 77(2). Pp. 150–156.

Grinin L., Korotayev A. Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective. New York, NY : Springer, 2015.

Grinin L., Korotayev A. Seven Weaknesses of the U.S., Donald Trump, and the Future of American Hegemony [Электронный ресурс] : World Futures. 2020. August 31. URL: <https://doi.org/10.1080/02604027.2020.1801309>.

Grinin L., Korotayev A., Tausch A. 2016. Economic Cycles, Crises, and the Global Periphery. N. p. : Springer International Publishing.

Kapoor A., Debroy B. GDP Is Not a Measure of Human Well-Being [Электронный ресурс] : Harvard Business Review. 2019. URL: <https://hbr.org/2019/10/gdp-is-not-a-measure-of-human-well-being> (дата обращения: 19.09.2020).

Kuznets S. S. 1966. Modern Economic Growth. Rate, Structure and Spread. New Haven, CT : Yale University Press.

Marks R. B. 2002. The Origins of the Modern World. A Global and Ecological Narrative. Lanham, MD : Rowman and Littlefield.

McElwee S., Daly L. Why We should Abolish the GDP [Электронный ресурс] : Washington Post. 2014. June 5. URL: <https://www.washingtonpost.com/posteverything/wp/2014/06/05/why-we-should-abolish-the-gdp/> (дата обращения: 19.09.2020).

Minsky H. P. Induced Investment and Business Cycles. Cheltenham, UK; Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2005.

Mitchell W. C. *Business Cycles: The Problem and Its Setting*. New York, NY : NBER, 1927.

Modelski G. *Long Cycles in World Politics*. Seattle : University of Washington Press, 1987.

Modelski G., Thompson W. R. *Leading Sectors and World Politics: The Coevolution of Global Politics and Economics*. Columbia, SC : University of South Carolina Press, 1996.

Ogawa N., Kondo M., Matsukura R. Japan's Transition from the Demographic Bonus to the Demographic Onus // *Asian Population Studies*. 2005. Vol. 1(2). Pp. 207–226.

Pomeranz K. *The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2000.

Pomeranz K. Beyond the East-West Binary: Resituating Development Paths in the Eighteenth-Century World. *Journal of Asian Studies*. 2002. Vol. 61(2). Pp. 539–590.

Schumpeter J. A. *Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*. New York, NY; London, UK : McGraw-Hill Book Company Inc., 1939.

Stiglitz J. E. Moving beyond Market Fundamentalism to a More Balanced Economy // *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2009. Vol. 80(3). Pp. 345–360.

Vries P. The California School and Beyond: How to Study the Great Divergence // *History Compass*. 2010. Vol. 8. Pp. 730–751.

Vries J. de., Woude A. van der. 1997. *The First Modern Economy. Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815*. Cambridge : Cambridge University Press.

Wallerstein I., Collins R., Mann M., Derlugian G., Calhoun C. *Does Capitalism Have a Future?* New York, NY : Oxford University Press, 2013.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. *Come on!* New York : Springer, 2018.

Williamson J. G. Debating the British Industrial Revolution // *Explorations in Economic History*. 1987. Vol. 24(3). Pp. 269–292.